

И Деви Аю смотрела, как наливаются ее живот, и на исходе седьмого месяца устроила *селамадан*¹, а когда родила, то даже взглянуть на ребенка не пожелала. Три ее старшие дочери были как на подбор красавицы, под стать друг другу, будто тройняшки. До смерти надоело плодить таких детей — ну точно манекены в витрине, думала она — и не захотела видеть младшую, наверняка похожую на остальных. И разумеется, ошибалась, не зная, до чего уродлив ее последыш. Даже когда соседки шушукались, что девочка — помесь обезьяны, лягушки и варана, ей и в голову не приходило, что толкуют о ее ребенке. А когда судачили, что прошлой ночью в лесу выли дикие собаки, а совы на ночлег слетелись в город, она не приняла дурные приметы на свой счет.

Одевшись, снова легла она в постель; как же все-таки тяжело прожить на свете полвека с лишним и родить четверых, думала она. А затем с грустью осознала, что раз ребенок умирать не желает, значит, должна умереть мать, чтобы не увидеть, как девочка превратится в девушку. Она встала, заковыляла к дверям, глянула на соседок, что, сбившись в кучку, болтали о новорожденной. Вышла из ванной Розина и встала рядом, ожидая распоряжений.

1 Селамадан (сламетан) — ритуальное угощение ближайших соседей и родственников, сопровождает все важные моменты в жизни человека. Первый селамадан в честь ребенка устраивают во время беременности матери, обычно на седьмом месяце. Его цель — обеспечить благополучные роды. Кроме собственно угощения, приглашенная знахарка или родственница проводит омовение роженицы и ряд ритуалов.

— Купи мне саван, — велела Деви Аю. — Я уже выпустила в этот проклятый мир четырех девчонок. Настало время для моих похорон.

Женщины загалдели, вытаращились на Деви Аю. Стать матерью уродца — позор, но еще больший позор — бросить его на произвол судьбы. Но никто не сказал этого прямо, все лишь отговаривали ее от столь нелепого шага — мол, люди и до ста лет живут, и дольше, рано еще Деви Аю умирать.

— Если доживу до ста лет, — отвечала Деви Аю спокойно и веско, — то успею восьмерых наплодить. Многовато будет.

Розина купила для Деви Аю отрез белоснежного ситца, и та в него завернулась не мешкая — да разве от этого умирают? И пока повитуха сновала по округе в поисках кормящей женщины (впрочем, поиски ни к чему не привели, пришлось ребенку давать ополоски из-под риса), Деви Аю безмятежно лежала в саване на своем ложе и терпеливо ждала, когда слетит к ней ангел смерти.

Когда же время рисовых ополосков миновало и Розина стала кормить ребенка коровьим молоком (что продавалось в магазинах с этикеткой “Медвежье”), Деви Аю так и лежала в постели и никому не разрешала приносить ей девочку по имени Красота. Но весть о безобразном младенце и его матери, лежащей в саване, разнеслась как чума, и стекались люди не только из окрестных селений, но и из самых отдаленных деревень — посмотреть на чудо, чуть ли не рождение святой. Вой диких собак сравнивали с Вифлеемской

звездой, а мать, облаченную в саван, — с измученной родами Девой Марией — сравнение, мягко говоря, далекое от истины.

С перекошенными испугом лицами, будто дети, ласкающие тигренка в зверинце, позировали гости уличному фотографу, взяв уродца на руки. А до этого точно так же фотографировались с Деви Аю, так и лежавшей в неизъяснимом покое, будто и нет ей дела до суеты вокруг. Потянулись больные с тяжкими, неизлечимыми недугами — в надежде коснуться ребенка и исцелиться, но Розина сразу же это пресекла, а взамен выносила им ведра с водой, в которой купали Красоту. Иные являлись с надеждой на удачу в сделке или лотерее. Для подобных случаев немая Розина, с самого начала взявшая на себя заботы о ребенке, припасла коробочки для пожертвований, и те быстро наполнились рупиями. Дальновидная девушка, опасаясь, что Деви Аю и в самом деле умрет, решила воспользоваться столь редким случаем и извлечь прибыль, чтобы не беспокоиться ни о “медвежьем молоке”, ни о том, на что жить ей вдвоем с малышкой, ведь трех старших сестер Красоты домой можно было не ждать.

Но конец шумихе вскоре положили полицейские, а с ними и *кьяи*, усмотревший тут ересь. Вне себя от ярости, *кьяи* приказал Деви Аю прекратить безобразия, даже саван велел снять.

— Прóbсите проститутку раздеться, — презрительно бросила Деви Аю, — тогда гоните монету!

Кьяи, бормоча молитву, поспешил прочь и больше не возвращался.

И снова осталась с Деви Аю только юная Розина, терпеливо сносившая все хозяйкины чудачества, лиш­ ний раз доказав, что она одна по-настоящему понима­ ет эту женщину. Еще задолго до попыток избавиться от ребенка Деви Аю обронила, что наскучило ей рожать детей, так Розина и узнала о ее беременности. Вздумай Деви Аю заявить о таком соседкам, жадным до спле­ тен, — кинуть им кость, как собакам, — те усмехнулись бы презрительно и разразились пустой болтовней: мол, хватит собой торговать, вот и не страшна будет бере­ менность. Но открою вам секрет: скажите это другой проститутке, только не Деви Аю. Никогда не считала она своих троих (а теперь уже четверых) детей наказа­ нием за разврат; нет у девочек отцов, говорила она, зна­ чит, нет; не в том дело, что они неизвестны, и уж точно не в том, что ни разу она не стояла с каким-нибудь пар­ нем перед деревенским старостой. Деви Аю верила, что дети ее — дьяволово отродье.

— Сатана ведь тоже любит тешиться, как и Бог или боги, — объясняла она. — Как Дева Мария родила Сына Божьего, а две жены Панду¹ зачали детей от богов, так и в мою утробу извергают семя демоны, и я рожаю де­ моново племя. Сил моих больше нет, Розина.

Розина, по обыкновению, только улыбнулась в ответ. Говорить она не умела, лишь невнятно мычала, зато уме­ ла улыбаться, и улыбалась охотно. Деви Аю души в ней

¹ Панду — персонаж популярного в Индонезии древнеиндийского эпоса “Махабхарата”, царь, отец братьев пандавов. Пандавы — пять сыновей Панду, а также их родственники и сторонники, олицетво­ рение добра и справедливости.

не чаяла, особенно за улыбку. За это и прозвала она Розину слоненком, потому что слоны, как бы ни злились, всегда улыбаются — взять хоть балаганных, что привозят в город почти каждый год. Собственным языком жестов, которому не учат ни в одной школе для немых, девушка объяснила Деви Аю, что уставать той пока рановато — ей и до двадцати детей еще далеко, между тем Гандари¹ произвела на свет целую сотню кауравов!² Деви Аю от души рассмеялась. Ей было по нраву детское чувство юмора Розины, и сквозь смех она ответила: Гандари не приходилось сто раз рожать, за один раз отмучилась — родила ком плоти, а из него и выросли сто кауравов!

Так и хлопотала Розина, весело, нисколько не выбитая из колеи. Няничалась с ребенком, дважды в день стряпала, каждое утро затевала стирку, а Деви Аю лежала неподвижная, будто ждала, когда могилу выроют. Проголодавшись, вставала поесть, да и мылась дважды в день, утром и вечером. Но всякий раз возвращалась на ложе, облачалась в саван и лежала не шелохнувшись, вытянув ноги, скрестив руки на груди, со слабой улыбкой на губах. Кое-кто из соседей пытался за ней подглядывать в раскрытое окно. Каждый раз Розина гнала их, но зевачки не уходили и спрашивали, почему Деви Аю попросту руки на себя не наложит. Вместо того чтобы съязвить, как обычно, Деви Аю молчала и не шевелилась.

1 Гандари (Гандхари) — персонаж эпоса “Махабхарата”, жена Дрестараты (Дхритараштры), мать ста кауравов.

2 Кауравы — главные отрицательные герои эпоса “Махабхарата”, девяносто девять сыновей и одна дочь Дрестараты (Дхритараштры), двоюродные братья и сестра пандавов и их противники в борьбе за престол; символизируют зло и несправедливость.